

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

Иван Кожедуб

**Мои воспоминания
Служу Родине!**

Литературная обработка Анны Худадовой

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
К58

Литературная обработка Анны Худадовой

Кожедуб, И.

К58 Мои воспоминания. Служу Родине! / И. Кожедуб. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ. – 456 с. – (Исторические хроники).

ISBN 978-5-5196-6239-0

Сегодня уже мало кто помнит, что кроме знаменитой «Верности Отчизне» И.Н. Кожедуб был автором ещё четырёх книг, причем ранние издания его мемуаров, вышедшие ещё при жизни Сталина, существенно отличаются от поздних текстов, из которых исключены не только все упоминания о Вожде (обычная практика после «разоблачения культа личности»), но и целые главы.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
ВІС FC
BISAC FIC014000

ISBN 978-5-5196-6239-0

© Т8 RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2018
© Текст. И. Кожедуб, наследники, 2018

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
В РОДНОЙ ОБРАЖЕЕВКЕ

Ленинско-Сталинскому комсомолу, воспитавшему меня, посвящаю эту книгу.

Автор

1. ДОМА

В нашем дворе растут два молодых тополька-однолетки. Их посадил отец. Лет пяти, помню, я уже карабкался по ним. Взберусь на самую верхушку и смотрю по сторонам: вижу крышу нашей хаты и широкую кривую улицу, вдоль улицы — канавы. Весной они — русла пенистых потоков. Через них перекинута мостки. У околицы два небольших озера, заросших осокой. Мимо березняка — гать, обсаженная вербами. Вдаль, к опушке сосновых лесов, уходят поля, а с севера, к Десне, — заливные луга. Гряда невысоких холмов загораживает село от напора вешней воды.

Ширь и приволье!

Вдруг слышу испуганный голос матери:

— Сынок, держись, не впади, та злазь потихосеньку.

Она подбегает к дереву, и я нехотя спускаюсь.

— Ах ты верхолаз! На тебе не вспиваешь шить сорочки та штаны. Будешь лазити ще, то я батькови расскажу.

Живо скатываюсь с дерева: отца побаиваюсь.

Смеркается. Вся наша семья за столом. Ужинаем. Я загляделся на брата Гришу: он исподтишка «строит мне рожи»; несу ложку мимо рта — на столе мокрая дорожка. Вдруг отец бьет меня своей ложкой по лбу:

— Що шкодишь?

Глотаю борщ со слезами.

— Та вин ще малый, бильше не буде, — говорит мать, незаметно подкладывая мне кусочек повкуснее.

Наказание быстро забыто. Ноги у меня до полу не достают. Болтаю ими и нечаянно задеваю отца. Отец в таких случаях строг:

— Вон из-за стола! Сидеть не умеешь!

Обычно его светло-серые глаза добродушны, но когда он рассержен, их взгляд пронизывает и пугает.

– Я что сказал, неслух?

Приходится лезть на печку. Обидно... Издали поглядываю на дымящийся борщ. Хочется есть...

Ужинать кончили. В хате одна мама. Она убирает со стола. Я прыгаю с печи:

– Мамо, мамо, есть хочу!

Она прячет улыбку:

– А що батько сказав? Будеш ще шкодить – нічого не получишь... Ну ось тобі, трохи осталося. Ешь, та быстриш, щоб батько не узнав!..

Отец коренаст, широк в плечах, его узловатые кулаки кажутся мне огромными, и я уверен, что он – сильнее всех.

Он неразговорчив, но в душе мягок, отзывчив, старается помочь людям чем может; это я понял, когда вырос. В детстве хотелось ему учиться, но не пришлось – школы не было. Грамоте выучился самоучкой.

Читать отец любил. Очевидно, поэтому и я рано научился грамоте.

Наше село Ображеевка стоит на самом севере Украины, на Сумщине, между русскими деревнями, поэтому говор у нас смешанный. Отец чаще говорил по-русски.

Мать и сестра – мастерицы вышивать, и вечера они проводят за этим занятием. Я примощусь рядом и рисую в самодельном блокноте зверей и птиц. Отец читает, иногда одобрительно поглядывает на меня и в мой блокнот. Ему хочется, чтобы я стал художником, как наш односельчанин – старик Малышок: ведь на росписи можно и подработать между делом.

Тихо. Вдруг раздается раздраженный голос матери:

— Микита, шо ты там вычитаешь, книжка тоби хлеба не дасть!

Отец молча закладывает страницу и с виноватым видом принимается за починку домашней утвари или плетет лапти.

У матери добрая улыбка и худое, изможденное лицо. Она плохо слышит, и, когда со слезами жалуется на глухоту, мне ее так жаль, что я сам начинаю плакать и хожу за ней следом. Она ловкая, проворная, все время в движении — моет, убирает, стряпает. Но иногда бросит все, упадет на лежанку и застонет:

— Ой, Ивась, больно...

И мне от ее стонов самому словно больно. Хочется бежать из хаты, но удерживает тревога за мать: я ее очень люблю. Не отхожу от нее, подаю пить, поправляю подушку.

Отец стоит рядом, беспомощно разводит руками и тяжело вздыхает.

Мать надорвалась еще до замужества: с детства на ней лежала тяжелая работа. Родом она была из соседнего села — Крупец. Встретились они с моим отцом случайно и полюбили друг друга. Дед хотел отдать дочь по своему выбору и прогнал моего отца, когда тот пришел свататься.

Родители мои поженились тайком. Жили бедно. Отец стал работать на заводе. Семья росла, а вместе с ней и нужда.

Началась Первая мировая война. Отец заболел тифом, хворал долго и тяжело. Хозяйство развалилось.

После Великого Октября отец получил надел земли и лошадь, но поправить хозяйство уже не мог: силы его были надорваны. Как-то, скирдуя сено, он упал с высокого стога; с тех пор прихрамывал, ходить ему было трудно, хворал еще чаще.

Мать видела, что тяжелая работа не под силу ему, но, случилось, попрекала:

— Через тебе сыны на куркуля батрачат!

Я родился в 1920 году и был младшим в семье. Ростом я был невелик, но крепок на удивление; не помню, чтобы хворал. А матери все казалось, что я могу заболеть. С другими детьми она была скупа на ласку, а меня голубила. Отец сердился, что она меня балует.

— Так вин же у мене наименьший, — оправдывалась мать.

С ней у меня связаны самые лучшие воспоминания детства. И такое «событие», как первый выезд в город.

Отец и мать собирались в Шостку на ярмарку. Попросился и я, но отец ни за что не хотел брать. Я — в слезы. Мать, конечно, заступилась, уговорила отца, и он нехотя посадил меня на воз, запряженный кобылой Машкой.

Вот и город. Дома в два-три этажа, яркие вывески — глаза разбегаются. Пока родители ходят по ярмарке, я сижу на возу — разглядываю самое высокое здание на площади и удивляюсь: какие же большие хаты бывают!..

А иногда мать вечером скажет:

— Ну, Ивась, завтра пидемо у гости в Крупец!

И я всю ночь не могу уснуть. Вскочу чуть свет. Позавтракаем и выходим в поле. Набегаюсь, устану — начинаю хныкать. Сядем под дерево отдыхать. Я дремлю, а мама напевает:

...Ой ты, котик-коточок,

Поив бабин медочок

Та й сховався в куточок...

Подрастая, я стал дичиться матери: боялся, что ребята будут дразнить, назовут «маменькиным сынком». В детстве бывает такой ложный стыд.